

ОБРАЗ ПРАВИТЕЛЯ В «САГЕ ОБ ИНГЛИНГАХ»:
НАРРАТИВНО-ВЕРБАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье предпринята попытка реконструировать образ правителя в «Саге об Инглингах» путем нарративно-вербального анализа ряда мотивов, восходящих к устной традиции. Изучение мотивов, связанных с функциями правителя (жреческая, военная и государственная), позволяет выявить три пласта исторической памяти (мифический, героико-эпический и близкий к реалиям эпохи викингов), использованных Снорри Стурлусоном для моделирования оснований власти древнейших скандинавских вождей. Мотив смерти-погребения рассматривается как средство сакрализации правителя и его власти, что в значительной мере обеспечивается поэтикой «Перечня Инглингов», который играет не только генеалогическую, но и мифологизирующую роль в тексте саги.

Ключевые слова: образ правителя, устная традиция, историческая память, «Сага об Инглингах», Снорри Стурлусон.

«Сага об Инглингах», начинающая «Круг Земной» (собрание королевских саг, приписываемое исландцу Снорри Стурлусону), состоит из кратких «жизнеописаний» представителей королевской династии Инглингов. Цель Снорри — дать историко-мифологическое обоснование прав потомков мифического конунга Ингви-Фрейра на Норвегию и объяснить вражду, раздирающую их род¹ — обуславливает особенности конструирования образа прошлого в саге. Композиция «Саги об Инглингах» воспроизводит генеалогическую цепочку древнейших правителей скандинавского Севера, которую положил в основу поэмы «Перечень Инглингов» норвежский скальд IX в. Тьодольв Хвинский. Однако, в отличие от Тьодольва, который акцентирует обстоятельства смерти своих героев, Снорри обращает внимание также на обстоятельства их жизни (в том числе, борьбу за власть), почерпнутые из неких прозаических рассказов, преимущественно устного происхождения².

¹ Гуревич А.Я. История и сага. М., 1972. С. 78.

² Мельникова Е.А. Историческая память в устной и письменной традициях (Повесть временных лет и «Сага об Инглингах») // ДГ. 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 76; Смирницкая О.А. «Перечень Инглингов» в освещении исторической поэтики // Она же. Древнегерманская поэзия. Каноны и толкования. М., 2005. С. 111.

Е.А. Мельникова выделила в «жизнеописаниях» Инглингов ряд восходящих к устной традиции сюжетобразующих мотивов, которые выступали для Снорри способом моделирования «биографий» древнейших правителей Скандинавии³. Тот же ряд мотивов исследуется нами в плане реконструкции образа правителя в саге, причем первостепенное внимание уделяется их нарративно-вербальному отображению в тексте. Подобный подход позволяет выявить в «Саге об Инглингах» разные пласты исторической памяти и разную интерпретацию власти правителя.

Сюжетообразующие мотивы, на основе которых строятся рассказы об Инглингах, целесообразно, на наш взгляд, разделить на две группы: 1) мотивы, отображающие функции вождя («государственная», военная и жреческая), и 2) мотивы, отображающие начало и конец карьеры правителя (приход к власти и смерть-погребение). Согласно нашим наблюдениям, первые три мотива по-разному представлены в отдельных частях саги и отмечают своеобразие правления отдельного конунга; напротив, вторые два сообщают повествованию ту цельность и завершенность, которая накладывает отпечаток не только на композицию саги, но и на образ власти правителя.

ФУНКЦИИ ВОЖДЯ

Е.А. Мельникова отмечает неравнозначность в саге указанных мотивов: если мотив военных походов достаточно частотен, то мотив жречества — факультативен, а «государствообразующие» деяния конунгов занимают периферийное положение⁴. Как показывает приводимая ею таблица, из тридцати восьми правителей военная функция отмечена у двадцати четырех, жреческая у десяти и «государственная» — у девяти⁵. Согласно нашим наблюдениям, столь же неравнозначны нарративно-вербальные особенности реализации этих функций в тексте.

Основным вербальным маркером жреческой функции вождя выступает глагол *blóta* (с производными), встречающийся в одиннадцати эпизодах (2, 8–10, 15, 18, 21, 25, 34, 38, 43)⁶. Отметим неодинаковую зна-

³ Мельникова Е.А. Историческая память.

⁴ Мельникова Е.А. Историческая память. С. 78–79.

⁵ Там же. С. 84–92.

⁶ Здесь и далее оригинальный текст «Саги об Инглингах» цитируется по изданию: Heimskringla Snorra Sturlusonar. Reykjavík, 1946. В. 1. Арабские цифры обозначают номера глав.

чимость этой функции в разных частях саги: наиболее последовательно и определенно она представлена в деятельности первых «мифических» правителей, чьи имена по большей части совпадают с именами богов (Один, Ньёрд, Фрейр, Домальди — 2, 8–10, 15). В дальнейшем повествовании жречество перестает быть постоянным и необходимым признаком вождя и даже получает отрицательную оценку. Конунг Даг приносит в жертву кабана, так сказать, по частному поводу, чтобы узнать о судьбе пропавшего волшебного воробья (18); Гранмар участвует в жертвоприношениях по обычаю («так как было принято весной приносить жертвы за мир»⁷ — 38), однако упоминается этот факт исключительно в связи с предсказанием его смерти. Ингви, брат Альва, получает титул жреца («страж алтаря» — *vörðr véstalls*) не в прозе Снорри, а в цитируемой строфе Тьодольва (21), где титул выступает как кеннинг. Жертвоприношения в Упсале, главном капище свеев, совершавшиеся во время правления Энунда, упомянуты лишь как предлог для многолюдных игр, на которых не лучшим образом показал себя сын его Ингьяльд (34). Наконец, мотив жречества в биографии Ауна и Олава Лесоруба явно обретает негативный оттенок, независимо от того, как относились к жреческим обязанностям сами персонажи. Аун, усердно приносивший жертвы Одину, заботился лишь о продлении собственной жизни (25); Олав, который «пренебрегал жертвоприношениями» (43), был принесен в жертву из-за неурожая. Причем в последнем случае Снорри ставит под сомнение саму необходимость жертвоприношений: «те из шведов, что умнее, однако, видели: голод из-за того, что народу больше, чем земля может прокормить» (43). Жреческая функция всего два раза включена в постоянную характеристику правителя (*blótmaðr mikill* об Ауна и *litill blótmaðr* об Олаве Лесорубе), причем в обоих случаях теряет свое значение из-за негативного подтекста. Таким образом, мотив жречества не имеет в саге ни постоянства, ни достаточно устойчивых и частотных вербальных маркеров.

Спорадически появляется в тексте «государственная» функция вождя, что объясняется, по-видимому, тем, что «сама эпоха, о которой повествуется в «Саге об Инглингах», не давала для этого оснований»: в те времена «в Скандинавских странах... тенденции к образованию государства еще не проявились»⁸.

⁷ Русский перевод «Саги об Инглингах» цитируется по изданию: *Снорри Стурлусон. Круг Земной* / Изд. подгот. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980.

⁸ *Мельникова Е.А. Историческая память. С. 79.*

По нашим наблюдениям, «государственная» функция вождя предстает в повествовании не вполне отчлененной от других его функций. Так, сбор дани (*skatt, skattgjafar*) первыми «мифическими» правителями — это, скорее, обратная сторона их жреческой функции: с их сокровищами ассоциируется урожай и мир в стране (8–10). Связаны со жреческой функцией и установленные Одином законы (*lög*), ибо они регулируют отношения людей с потусторонним миром, ср. «каждый должен прийти в Вальгаллу с тем добром, которое было с ним на костре» (8). В «государственной» деятельности Фрейра основание столицы отождествляется с воздвижением языческого капища (10); напротив, основание Одином Сигтун выглядит как военный акт: «Все земли, которыми он там завладел, он назвал Сигтунами» (5). Расширение своих владений Ингьяльдом Коварным (подчинял местные земли, убивая конунгов) и Иваром Широкие Объятья (подчинил другие страны) выглядит более как военная экспансия (внутренняя и внешняя), нежели «государствоустроительная» деятельность (39, 41).

По существу, мирная работа по обустройству страны присутствует лишь в жизнеописаниях Энунда по прозвищу Дорога и Олава Лесоруба. Однако в отношении Олава Снорри замечает, что проводимая им расчистка лесов вызвала насмешки (42). Что же касается Энунда, то его странная гибель под лавиной из камней и глины в некоем «небесном» пространстве (*Himinfjöll* «Небесные горы» в стихах Тьодольва и *Himinheidr* «Небесная пустошь» в прозе Снорри — 35) не представляет ли символический ответ Иного мира на нарушение неписаных правил поведения конунга? Детализация Снорри подобных эпизодов в жизни своих героев может быть приписана не столько его интересу к «государственной» деятельности вождя, сколько попытке объяснить необычное прозвище⁹. Разнообразие ситуаций, с которыми связывается в саге «государственная» функция вождя, обуславливает и отсутствие сколько-нибудь ярко выраженных вербальных стереотипов.

Иная картина складывается при рассмотрении мотива военных деяний (походов) вождей. Этот мотив не только более частотен, но и находит стереотипное вербальное и нарративное выражение — прежде всего, через слова, производные от *herr* «войско» (*herja*,

⁹ Иной взгляд, утверждающий специальный интерес Снорри к «государствоустроительным» деяниям конунгов, высказан в: Мельникова Е.А. Историческая память. С. 79.

hermaðr, *hernað*, *herfang* и т.п., см. таблицу) и вводные характеристики персонажей. Начинаясь от времен доисторических, рассказ доходит до конца первой трети IX в., т. е. захватывает эпоху формирования движения викингов: ее отзвуком, в числе прочего, служат появляющиеся примерно с середины рассказа слова *viking* «военный набег» (21–22, 28, 47) и *vikingr* «викинг» (37, 47).

Представленное в нашей таблице соотношение словоупотреблений *herr* (и производных) с персонажами и эпизодами (главами) показывает два важных момента: 1) весьма широкий охват данным мотивом представленных в саге персонажей и эпизодов и 2) неравномерность распределения указанных слов в тексте, которая сопровождается изменением соотношения военной функции вождя с другими его функциями¹⁰.

Далее мы попытаемся связать указанные особенности текста «Саги об Инглингах» с гетерогенностью образа власти правителя в сознании Снорри, где, на наш взгляд, совмещаются три разных пласта, последовательно сменяющие друг друга в рассказе; с известной долей условности обозначим их как мифический, героико-эпический и реальный¹¹.

Мифический пласт в образе власти правителя

Первые, укорененные в мифе правители (Один — Ньёрд — Фрейр — Фьёлнир) еще не нуждаются для утверждения своей власти в насилии как таковом. Их власть имеет, скорее, жреческо-магические основания. Так, первый правитель Один представлен как «великий воитель» (*hermaðr mikill* — 2), но при упоминании его завоеваний момент насилия затушевывается, а на первый план выдвигаются провидческие способности, хитрость и магия.

Характерно, что уже при первом упоминании страны Асов Один, по сути, выступает главой верховных жрецов-диев, которые «должны были совершать жертвоприношения и судить народ» (2); его

¹⁰ Весьма немногочисленные в первой трети саги (1–17) наименования с корнем *her-* резко возрастают во второй трети (18–33), а затем сокращаются в последней трети (34–49).

¹¹ Указанные пласты в образе правителя до известной степени соответствуют классификации Инглингов, представленной в работе: *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. С. 208–211. Однако наша классификация имеет основой не сведения о вождях за пределами саги, а нарративно-вербальный анализ текста. О.А. Смирницкая отмечает, что текст «Перечня Инглингов» «дает некоторые основания для хронологической стратификации имен» (*Смирницкая О.А.* «Перечень Инглингов». С. 112, сноска 6).

столица Асгард отождествлена с главным капищем страны. Дии (*díar*) именуются также *dróttnar* «владыки» — термином, который затем переходит на династию Инглингов. Функция управленческая слита здесь с функцией жреческой. Сам Один, будучи «великим воителем», собственно, не столько завоевывал окружающие державы, сколько «присваивал» (*eignaðisk*) их, причем, как отмечает сага, большую роль играла в этом его личная магия-харизма¹². Правда, война Асов с Ванам ведется насильственными методами («*herjuði hvárir land annarra ok gerðu skaða*» — «они разоряли и опустошали страны друг друга» — 4), однако те не дают результатов, и дело заканчивается миром.

Примечательна мотивировка переселения Одина, а также трактовка его военных действий в сравнении с действиями римлян. Один ведет свой народ на север не потому, что ему пришлось, как другим правителям, бежать от натиска римлян¹³, но потому, что он «был великим провидцем и колдуном... знал, что его потомство будет населять северную окраину мира» (5). Завоевательные действия римлян и Одина обозначены разными глаголами: римляне «покоряли себе все народы» («*brutu undir sik allar þjóðir*», форма *brutu* от *brjóta*, в первичном значении «ломать»); Один же «завладел (букв. «присвоил», *eignaðisk*. — Н.Г.) землями в Стране Саксов», поставив там своих сыновей правителями (5). В первом случае ярче выражен элемент насилия; во втором случае на первый план выступает не захват власти, а ее передача внутри рода¹⁴.

Схожие оттенки, связанные с родовым и/или магическим началом, обретают действия Одина по захвату земель шведского конунга Гюльви. Датский остров Селунд «выпахали» для него в море наделенные сверхъестественной силой сыновья Гевьюн, на которой впоследствии женился его сын Скъэльд; земли в Швеции он получил благодаря тому, что превзошел Гюльви «в разных хитростях и мороченьях» (5).

¹² «Он был настолько удачлив в битвах, что одерживал верх в каждой битве, и поэтому люди его верили, что победа всегда должна быть за ним», и т.д. (2).

¹³ «В те времена правители римлян ходили походами по всему миру и покоряли себе все народы, и многие правители бежали тогда из своих владений» (5).

¹⁴ Подобный акцент отмечается ранее в эпизоде длительного отъезда Одина, когда его братья Вили и Ве вступили в брак с его женой, чтобы наследовать власть (3). Данный обычай несет следы «священного брака» (*hieros gamos*), известного у многих народов древности. Женщина также играет роль в захвате власти в эпизоде с Гевьюн (5).

В связи с этим заметим, что «жреческую» функцию первых Инглингов точнее было бы назвать «жреческо-магической»¹⁵. Действительно, в обязанности Одина, как первого среди владык-жрецов (*díar, dróttnar*), входило не только «защищать страну», но и «приносить жертвы за урожайный год», по его инициативе были установлены обычаи жертвоприношений (8) и т.п. Вместе с тем, на первый план в рассказе выступает не Один-жрец, а Один-маг, Один-колдун, наконец, наделенный сверхъестественными способностями харизматик. Снорри не жалеет красок при описании превышающих обычные человеческие силы умений (*atgörvi*) и искусств (*íþróttir*), которыми владел Один (4, 6–7)¹⁶; отдельно упоминается особое харизматическое воздействие на окружающих: «Когда он сидел со своими друзьями, он был так прекрасен и великолепен с виду, что у всех веселился дух. Но в бою он казался недругам ужасным» (6). Правда, это личное качество Одина Снорри пытается представить как некий ловкий трюк: «И все потому, что он владел искусством менять свое обличье как хотел» (6). Однако благодаря обилию таких способностей в образе Одина сквозь культурного героя, каким стремится изобразить его Снорри, проглядывает языческий бог. Таким образом, власть Одина базируется, прежде всего, на его божественном происхождении, а не военной или ритуальной функции.

В правление Ньёрда и Фрейра жреческо-магическая и харизматическая составляющая власти полностью вытесняет военную функцию. Оба вождя совершают жертвоприношения и берут дань, обеспечивая народу мир, урожай, богатство (9–10). Вместе с тем, их жреческая функция отходит на задний план: Снорри неоднократно связывает царившее в их годы благополучие с самими вождями¹⁷. Мир и благо-

¹⁵ А.Я. Гуревич задавался вопросом о том, «получали ли вожди от богов могущество в силу своего происхождения от них или же вследствие ритуальных действий и жертвоприношений» (Гуревич А.Я. «Круг Земной» и история Норвегии // Снорри Стурлусон. Круг Земной. С. 616). На наш взгляд, следует различать ритуальную сторону жреческой функции (участие в жертвоприношениях) и другие способы общения вождя с потусторонним миром (посредством колдовства или магии, а также личной харизмы).

¹⁶ Целый ряд этих способностей и атрибутов упоминается Снорри в «Младшей Эдде» («Видение Гюльви»), где Один выступает в роли языческого бога.

¹⁷ Ср.: «Á hans dögum var friðr allgóðr ok alls konar ár, svá mikit, at Svíar trúðu því, at Njörgðr réði fyrir ári ok fyrir fésælu manna» (9) — «В его дни царил мир, и был урожай во всем, и шведы стали верить, что Ньёрд дарует людям урожайные годы и богатство»; «Þá var ok ár um öll lönd, ok kenndu Svíar þat Frey» (10) — «Тогда были урожайные годы во всех странах. Шведы приписывали их Фрейру».

денствие по смерти Фрейра продолжаютя благодаря сохранению его тела в кургане, а не просто вследствие принесения жертв.

Поворотным оказывается в рассказе эпизод с Фьельниром, сыном Фрейра. Его кончина (утонул в чане с медом после пира) подтверждает нарушение благополучных отношений с потусторонним миром: Фьельнир «захлебывается» в своей удаче, материализованной в священном напитке (11)¹⁸. Наследники Фьельнира — Свейгдир, Ванланди, Висбур, Домальди — теряют способность приносить стране благоденствие; их соприкосновение со сферой сверхъестественного имеет разный характер, но один результат — смерть. Так, Свейгдир, сын Фьельнира, стремится возобновить контакт с теми полумифическими мирами, куда, по преданию, удалился по смерти «старый Один», а жену себе берет из Жилища Ванов. Его странствия (Страна Турок и Великая Швеция) имитируют странствия Одина¹⁹; однако попытка проникнуть в Жилище Богов кончается трагически (эпизод с карликом — 12). Путешествие Ванланди, сына Свейгдира, в Страну Финнов изображено как обычный военный поход²⁰, но акцент ставится не на трофеях, а на колдовских способностях его финской супруги (13)²¹. В центре эпизода — его неудачный опыт в отношениях с миром колдунов, т. е. тем миром, который был доступен Одину, но стал роковым для Ванланди. Его сын Висбур также неспособен противостоять проклятию колдуньи Хульд, наложенному на золотую гривну (воплощение родовой удачи). Наконец, в эпизоде с Домальди на первый план выступает жреческая функция вождя как ритуальная мера воздействия на потусторонние силы, но дело заканчивается принесением в жертву самого Домальди, чем, очевидно, обеспечиваются мир и урожай в правление его сына Домара²². Однако ни Домар, ни сын его Дюггви (16–17) не отличаются

¹⁸ Ряд исследователей видит в смерти Фьельнира отзвук жертвоприношения, представленного Снорри как несчастный случай (Мельникова Е.А. Историческая память. С. 78).

¹⁹ «Hann fór með tolfta mann víða um heiminn» (12) — «он ездил сам-двенадцатый по всему свету».

²⁰ «Hann var hermaðr mikill, ok hann fór víða um lönd» (13) — «он был очень воинствен и много странствовал».

²¹ О восприятии финнов как колдунов в «Круге Земном» см., например: Aalto S. Alienness in *Heimskringla*: Special Emphasis on the *Finnar* // Scandinavia and Christian Europe in the Middle Ages / Papers of the 12th International Saga Conference. Bonn, 2003. P. 1–7.

²² «Hann réð lengi fyrir löndum, ok var þá góð árferð ok friðr um hans daga» (16) — «Он правил страной долго, и при нем были хорошие урожаи и мир».

сверхъестественными способностями: им не дано вернуть утраченную харизму предков.

Правление Дюгви особо отмечается Снорри в другом отношении: «Дюгви был первым из своих родичей назван конунгом», в то время как прежние правители назывались «дроттины» (17)²³. Это упоминание — поворотный пункт в рассказе, маркирующий смену акцентов в образе власти правителя²⁴. По нашим наблюдениям, эта смена касается, прежде всего, усиления военной функции в осуществлении власти, что придает рассказу новый оттенок — героико-эпический²⁵.

Героико-эпический пласт в образе власти правителя

В жизнеописании Дага, сына Дюгви (18), вновь возникает мотив военных деяний, но уже в иной трактовке — как жизненная необходимость, естественный способ отстоять власть и репутацию. Вместе с тем, начиная с рассказа о Даге, повествование перемещается в иное, менее мифологизированное пространство и обретает исторические черты (хотя сам Даг еще сохраняет сходство с Одином: его волшеб-

²³ «Dyggvi var fyrst konungr kallaðr sinna ættmanna, en áðr váru þeir dróttnar kallaðir» (17).

²⁴ Даже если признать, что, меняя титул Дюгви с «дроттина» на «конунг», Снорри всего лишь «ошибочно» следовал примеру Тьодольва (*Стеблин-Каменский М.И. Примечания // Снорри Стурлусон. Круг Земной. С. 636*), остается вероятность, что Тьодольв заимствовал этот факт из устной традиции, где смена наименования могла маркировать какие-то изменения в осознании характера власти (хотя впоследствии эти наименования могли восприниматься как синонимы).

²⁵ Снорри (или предание) связывает Инглингов (по материнской линии) с родом мифического родоначальника Рига (под чьим именем скрывался бог Хеймдалль), который стал прародителем трех социальных слоев, в том числе знати. В эддической «Песни о Риге» говорится (строфы 36, 45), что божественный первопредок дал свое имя Ярлу, прародителю военной знати, а тот передал его своему сыну Кону Юному, чье имя и прозвище (*Konr Ungr*) обыгрывают структуру слова *konungr*. Его-то, по-видимому, и делает Снорри предком Дюгви, от которого тот получил наследный титул. Примечательно, что концовка песни, по мнению исследователей, позволяет допустить, что Кон одерживает победу над вождем по имени Данп и женится на его дочери (*Стеблин-Каменский М.И. Примечания // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С. 700*), т. е. становится родоначальником династии военных вождей. Таким образом, титул «конунг» — в контексте той родословной, с которой связывает его Снорри — получает, прежде всего, воинские ассоциации. Родословие «Риг (Хеймдалль) — Ярл — Кон (Риг) — Данп», реконструируемое на основе «Песни о Риге» и некоторых других источников, соединяет мифологический и эпический пласты преданий воедино. Возможно, поэтому оно послужило для Снорри удобным средством для переключения повествования из мифологического плана в героико-эпический.

ный воробей, который летал в разные страны и многое ему рассказывал — отголосок воронов Одина, Хугина и Мунина). Если Великая Швеция и Страна Турок, по которой странствуют Один и Свейдир, пребывает в одном измерении с Жилищем Богов и Жилищем Ванов, то Страна Готов, куда отправляется Даг, имеет более точные ориентиры, ср. такие топонимы, как *á Reidgotaland*, *á Vörva*, etc.²⁶

Мотивы появления Ванланди в Стране Финнов (13) неясны — напротив, Даг вынужден идти войной в Страну Готов, чтобы отомстить за убийство своей волшебной птицы; характерно также, что описание похода Дага обнаруживает детали, сопряженные с насильем²⁷. Те же особенности отличают рассказ о походе Агни, сына Дага, в Страну Финнов: наряду с насильем упоминаются трофеи, одновременно повышается частотность слова *herr* и производных²⁸.

Примечательно, что Снорри счел нужным завершить посвященный Дагу эпизод метаязыковым комментарием: «Í þann tíma var sá höfðingi gramr kallaðr, er herjaði, en hermenninir gramir» (18) — «В те времена правитель, который совершал набеги, звался лютым, а его воины — лютыми». Конечно, нельзя исключить, что слова Снорри направлены в первую очередь на то, чтобы пояснить употребление этого термина в последующих стихах Тьодольва. Вместе с тем, данное пояснение вполне соответствует появлению в повествовании героико-эпических акцентов. Возможно, Снорри намеренно акцентирует в своем рассказе термин *gramr* «лютый», истолковывая его как особый (очевидно, похвальный) эпитет, которым наделялись участники военных похо-

²⁶ «...spörinn flaug á Reidgotaland á bæ þann, er á Vörva hét.. <...> ...þeir fógu... þar sem hét Skjótansvað eða Várnað». Комментатор замечает, что автор саги понял слово *Vörvi* как название местности, хотя, возможно, оно означает «побережье» (Стеблин-Каменский М.И. Примечания // Снорри Стурлусон. Круг Земной. С. 636). На наш взгляд, эта «ошибка» неслучайна: за ней нам видится стремление Снорри сделать топонимику рассказа более реалистической, чем в предыдущих главах.

²⁷ «...fekk þau svör, at spörr hans var drepinn á Vörva. Síðan bauð hann út her miklum ok fór til Gotlands; en er hann kom á Vörva, gekk hann upp með her sinn ok herjaði... Dagr konungr snöri herinum til skipa, er kvöldaði, ok hafði drepit mart fólk ok mart handtekit» (18) — «...получил ответ, что воробей убит в Вёрви. Тогда он собрал большое войско и направился в страну готов. Подъехав к Вёрви, он высадился со своим войском и стал разорять страну... К вечеру Даг повернул с войском к кораблям, перебив много народа и многих взяв в плен».

²⁸ «Þat var eitt sumar, er Agni konungr fór með her sinn á Finnland, gekk þar upp ok herjaði. <...> Agni konungr fór herskildi um Finnland ok lagði undir sik ok fekk stórmikit herfang» (19) — «Одним летом Агни конунг отправился со своим войском в Страну Финнов, высадился там и стал разорять страну. <...> Агни конунг разорял Страну Финнов и покориł ее себе, и взял большую добычу».

дов, чем дает им косвенную оценку. В контексте явно обыгрывается многозначность данного слова, которое могло обозначать как лицо («князь, герой»), так и его качество («разгневанный, свирепый, лютый»). Далее в саге появляется еще один похожий термин — *kappi* «отважный боец, герой, витязь» (22, etc.), а также хвалебные эпитеты *frægr*, *ágætr* «знаменитый, прославленный» (21, 22, etc.)²⁹. Таким образом, возникает «эпизированный» образ военного похода, где на первом месте находятся добыча и слава.

Героико-эпические оттенки в образе военного похода главенствуют на протяжении глав 18–32, где в фокусе повествования оказываются пятнадцать представителей рода Инглингов, причем именно на эти главы приходится три из четырех употреблений термина *viking*, получающего хвалебное звучание (21, 22, 28). Героико-эпический образ прошлого включает прославление «морских конунгов» (22, 30) — независимых от местных конунгов вождей викингских отрядов, у которых «были большие дружины, а владений не было» (30). Звание «морского конунга» трактуется как некое идеальное качество: «Только тот мог с полным правом называться морским конунгом, кто никогда не спал под закопченной крышей и никогда не пировал у очага» (30). Более широкой и детализованной становится география походов (Швеция, Дания, Восточные Страны, Страна Саксов — со ссылкой на конкретные местности).

В рамках героико-эпического образа правителя наименование *hermaðr* «воитель» становится почти обязательной характеристикой вождя (на протяжении глав 18–32 данный эпитет применяется едва ли не к каждому второму правителю). Сама эта характеристика может быть положительной (*hermaðr mikill* «великий воитель», т. е. часто совершавший военные набеги) или отрицательной (*engi*

²⁹ Ср.: «Haki ok Hagbarðr hétu bræðr ok váru ágætir mjök; þeir váru sækonungar... Margir kappar váru með hvárum tveggja þeira» (22) — «Двух братьев звали Хаки и Хагбрад. Они были очень знамениты. Они были морскими конунгами... У каждого из них было много отважных воинов», и далее: «...bræðr tveir, Svipdagr ok Geigaðr, ágætir menn báðir ok inir mestu kappar. Haki konungr hafði með sér tólf kappa... Haki konungr var ok inn mesti kappi... Þá sóttu fram kapparnir Svipdagr ok Geigaðr, en kappar Haka gengu sex móti hvárum þeira» (22) — «...два брата, Свипдаг и Гейгад, оба знаменитые витязи. У Хаки конунга было двенадцать витязей... Сам Хаки конунг тоже был великий витязь... Свипдаг и Гейгад бросились вперед, но против каждого из них выступило по шести витязей Хаки». Многократный повтор слова *kappi* на небольшом отрезке текста (семь словоупотреблений на две трети страницы) создает впечатление его превращения из хвалебного эпитета в почти технический термин, обозначающий отборную часть дружины — своеобразный героико-эпический аналог мифических берсерков Одина (6).

hermaðr букв. «не-воитель», т. е. не ходивший в походы). Причем служит она не только оценкой индивида, но подводит итог деятельности правителя. Правитель, который не ходит в военные походы, теряет общественную репутацию и жену (Альв — 21), власть или независимость (Аун — 25, Эгиль — 26), престол и жизнь (Хуглейк — 22). Симметрия позитивных и негативных фигур в рассказе, нередко связываемых аллитерацией (Ингви и Альв — 21, Хаки и Хуглейк — 22 и т.п.), позволяет рассматривать оппозицию «воитель–не-воитель» как нарративный прием, который акцентирует значимость военных походов для утверждения власти конунга.

В героико-эпическом образе вождя удачливость в битвах как отзвук сакральной природы власти дополняется другими его качествами, которые определяются мнением людей, а не связью с потусторонним миром. Так, во вводной характеристике Ингви владение разными искусствами, щедрость, любовь к пирам расцениваются почти как оборотная сторона силы и отваги: «*Var Yngvi hermaðr mikill ok allsigrsæll, fríðr ok íþróttamaðr inn mesti, sterkr ok inn snarpasti í orrostum, mildr af fé ok gleðimaðr mikill: af slíku öllu varð hann frægr ok vinsæll*» (21) — «Ингви был очень воинствен и всегда одерживал победу. Он был красив с виду, хорошо владел разными искусствами, силен, отважен в бою, щедр и любил повеселиться. Благодаря всему этому его прославляли и любили». Напротив, нелюбви его брата Альва к военным предприятиям («*sat at löndum ok var ekki í hernaði*») сопутствует характеристика: «Он был молчалив, надменен и суров» («*hann var maðr þögull, ríklundaðr ok óþýðr*» — 21). Таким образом, воинственность предстает как одна из черт характера, помогающих завоевать не только славу, но и любовь окружающих, чем достигается идеализация образа вождя-воителя.

Эпизация образа вождя сопровождается развенчиванием жречески-магического начала его власти. Так, ссылка на колдунов и чародеев («*seiðmenn ok fjölkunnigt fólk*»), которыми окружал себя «не-воитель» Хуглейк конунг, звучит скорее уничижительно (22). Тот же самый вид деятельности, который обеспечивал могущество Одина (характерен повтор лексем *seiðr*, *fjölkyngi* — 7), в жизнеописании Хуглейка приравнивается к занятиям скоморохов и музыкантов, а также сочетается со скупостью — качеством, недостойным вождя³⁰. Далее, конунг Аун,

³⁰ «*Hugleikr konungr var engi hermaðr, ok sat hann at löndum í kyrrsæti; hann var auðigr mjök ok sínr af fé; hann hafði mjök í hirð sinni alls konar leikara, harpara ok gígjara ok fiðlara; hann hafði ok með sér seiðmenn ok alls konar fjölkunnigt fólk*» (22) —

заслуживший эпитет *blótmaðr mikill* своей страстью к жертвоприношениям, добивается от Одина лишь продления собственной жизни, но не благополучия страны и рода (25), составляя в этом отношении контраст прежним правителям мифического плана — Ньёрду и Фрейру (9–10). Таким образом, по мере развития повествования в саге военные походы становятся для правителя чем-то вроде абсолютного императива, хотя иногда подчеркивается их оборонительный характер (32).

Близкий к реальности пласт в образе власти правителя

Начиная с правления Энунда и его сына Ингьяльда, образ вождя и его власти обретает черты, свидетельствующие об усилении реального плана в повествовании, несмотря на сохранение ряда мифоэпических мотивировок (ср., например, вкушение Ингьяльдом волчьего сердца — 34, колдовской плащ Скъёльда — 46). Конечно, самосожжение Ингьяльда несет на себе героико-эпический отблеск, но сопровождается и вполне рациональным объяснением³¹. В целом, на протяжении глав 33–49 снижается образ войны и воителя. Детализуется описание грабежей: «Эйстейн конунг приплыл со своими кораблями в Варну и стал грабить там. Он брал, что ему попадалось: одежду и всякое добро и орудия бондов. Скот они резали на берегу. Потом они уплывали» (46)³². В данном эпизоде потомок Ингви-Фрейра изображен как обычный предводитель викингов: его военные действия ничем не мотивированы, кроме стремления к добыче, в их описании присутствует даже некий элемент натуралистичности.

Вместо славных заморских походов, крупным планом подаются бесславные внутренние распри (38). Альтернативой войны становится хозяйственная деятельность конунга, не заслуживающая, однако, той же похвалы, что и война (Энунд Дорога, Олав Лесоруб); в прозвище вождя отображаются бытовые детали поведения (Хальвдан Щедрый-на-золото-и-Скупой-на-еду); отмечается нарушение «обычаев викингов» (*vikingalögin*) в политических целях (женитьба Хьёрварда — 37).

«Хуглейк конунг не было воинствен. Он любил мирно сидеть дома. Он был очень богат, но скуп. У него при дворе было много разных скоморохов, арфистов и скрипачей. Были при нем также колдуны и разные чародеи».

³¹ «Он видел, что у него недостаточно войска, чтобы сражаться с Иваром. И он понимал, что, если он обратится в бегство, враги нападут на него со всех сторон» (40).

³² «Eysteinn konungr fór með herskip nökkur yfir á Vörmu ok herjaði þar, tók slíkt, er fyrir var, klæði ok aðra gripí ok gögn bóanda, ok hjoggu strandhögg; fóru í brot síðan» (46).

Гетерогенность образа правителя в «Саге об Инглингах» не делает его, однако, образом эклектичным. На наш взгляд, последовательная смена в рассказе трех указанных пластов исторической памяти вполне «работает» на замысел Снорри — сконструировать генеалогию норвежских королей, которая могла бы подтвердить их претензии на власть на протяжении разных эпох, от эпохи языческой до христианской включительно. В самом деле, жреческо-магический характер власти первых мифических конунгов акцентирует ее сакральную природу, которая в дальнейшем не только не утрачивает своей значимости, но находит наивысшее воплощение в фигуре Олава Святого как вечного небесного патрона страны. Перенос акцента на военную функцию вождя, выраженную посредством героико-эпического мотива военного похода, призван затушевать роль языческих ритуалов в его власти и оправдать последующее обращение норвежских конунгов в христианство. Наконец, включение реальных черт в образ правителя подготавливает переход к исторической эпохе и, вместе с тем, обнаруживает недостаточность для власти конунга военной функции³³, предстающей в своих неприглядных деталях.

Следует согласиться с тем, что «Сага об Инглингах» задавала мифологические и социальные модели осмысления прошлого, которые могли повторяться на протяжении дальнейшего повествования³⁴. При этом цельность образа правителя обеспечивалась сюжетобразующими мотивами, связанными с началом и концом его деятельности: это мотив прихода конунга к власти и мотив смерти-погребения.

НАЧАЛО И КОНЕЦ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВИТЕЛЯ

Мотив прихода конунга к власти чаще всего обозначается рядом клишированных выражений, сводимых к формуле «стал править после отца»; пространный рассказ появляется при необходимости отметить отстаивание претендентом своих прав³⁵. Это позволяет предположить значимость для Снорри наследного и легитимного характера власти в образе правителя.

³³ Напомним, что уже Харальд Прекрасноволосый — пожалуй, самый воинственный из норвежских конунгов — будучи язычником, поминает в своей клятве, согласно Снорри, христианского Бога (*Стеблин-Каменский М.И.* Примечания // *Снорри Стурлусон.* Круг Земной. С. 638).

³⁴ *Мельникова Е.А.* Историческая память. С. 79; *Ciklamini M.* “Ynglinga saga”: Its Function and its Appeal // *Medieval Scandinavia.* 1975. Vol. 8. P. 90.

³⁵ *Мельникова Е.А.* Историческая память. С. 76.

Еще более значимым для Снорри являлся, по-видимому, мотив смерти-погребения вождя, который он, вслед за Тьодольвом Хвинским, неизменно воспроизводит во всех жизнеописаниях, как правило, завершая свой рассказ соответствующими строфами «Перечня Инглингов». В чем смысл данного мотива в саге и, в частности, смысл цитирования творения Тьодольва, скальда Харальда Прекрасноволосого³⁶?

Актуальность информации о смерти правителя можно, разумеется, связывать с языческими представлениями, которые были особенно живы для Снорри как создателя «Младшей Эдды»³⁷. Едва ли, однако, смысл сообщения о кончине Инглингов сводится в саге к мифо-ритуальным коннотациям (жертвоприношение) — ведь Снорри нередко «бытовизирует» случаи смерти, за которыми проглядывают ритуальные убийства (смерть Фьельнира и т.п.).

Приведение скальдических вис могло служить средством верификации повествования (сам Снорри признавал «песни скальдов» за достоверные свидетельства), а упоминаемые в них погребальные памятники конунгу символизировали легитимность его власти³⁸. Однако и это не до конца объясняет то значение, которое придается в саге смерти вождей³⁹ (как и ее стихотворному отображению) — причем смерти, нередко неожиданной и позорной. Заметим, что ни Снорри, ни Тьодольв не героизируют смерти Инглингов⁴⁰. Ее смысл в саге, очевидно, не сводится ни к славе предков, ни к простому исполнению проклятия колдуньи Хульд, которому можно было бы приписать унижительные детали гибели Инглингов. Обращает на себя внимание тот факт, что следующий за прозой стихотворный текст значительно менее информативен, чем предыдущий прозаический рассказ об обстоятельствах смерти⁴¹ (след устной традиции или результат Снорриева истолкования стихов Тьодольва). Что же

³⁶ Иностранная литература по этому поводу обобщена в работах: *Мельникова Е.А.* Историческая память; *Смирницкая О.А.* «Перечень Инглингов». Мы же попытаемся отметить наиболее важные, на наш взгляд, моменты в высказанных гипотезах.

³⁷ *Мельникова Е.А.* Историческая память. С. 78.

³⁸ Ср.: *Мельникова Е.А.* Историческая память. С. 76, а также сноску 95 на с. 77 со ссылкой на А. Тарандера.

³⁹ Так, Е.А. Мельникова замечает, что Снорри «не рассматривает указание на место погребения в качестве способа доказать достоверность рассказа: в его повествовании нет упоминаний о сохранности погребального памятника» (*Мельникова Е.А.* Историческая память. С. 77).

⁴⁰ *Мельникова Е.А.* Историческая память. С. 77; *Смирницкая О.А.* «Перечень Инглингов» С. 117.

⁴¹ Ср.: *Мельникова Е.А.* Историческая память. С. 75.

заставило Снорри сохранить стихотворный текст (кроме стремления к верификации рассказа)?

Думается, следует прислушаться к мнению, которое высказывает О.А. Смирницкая: «Кажется возможным предположить, что функция «Перечня Инглингов» состоит не в перечислении правителей... и не в героизации их смерти, а в *сакрализации смерти*... выражаемой средствами поэтического языка»⁴². Это предположение, подкрепляемое скрупулезным исследованием стиха и языка поэмы Тьодольва, объясняет ту цельность образа правителя, которая присутствует в саге несмотря на разнообразие пластов исторической памяти.

В связи с этим отметим наблюдение О.А. Смирницкой о том, что «сакральность смерти правителя из рода Инглингов в такой же степени не определяется его личными заслугами, как и его погребение в кургане»⁴³. Действительно, все правители из рода Инглингов, независимо от того, какие черты — мифические, героико-эпические или реальные (бытовые) — определяют их образ в саге, оказываются уравнены через «жреческий и провидческий план»⁴⁴ поэтического языка. Их смерть, возвеличенная искусством Тьодольва, возвращает им контакт с миром сверхъестественного, утерянный по смерти Фрейра. И в этой связи не столь уж значимо, кого из них забирает Один, а кого — Хель⁴⁵; важно, что теперь все они пребывают во взаимодействии с мифическими существами или мифологизованными стихиями — и погибнуть под вой «Гарма углей» («glóða garmr gylmjandi beit» — о Висбуре, 14) представляется не столь бесславным, как просто быть сожженным собственными сыновьями в собственном доме. Конкретные обстоятельства смерти, нередко «снижаемые» в прозе, воспринимаются как «опознавательный знак правителя, его индивидуальная эмблема»⁴⁶, но весь род Инглингов предстает как некое сакральное сообщество, чьи права на власть обеспечены не только славной жизнью, но и самой смертью.

⁴² Смирницкая О.А. «Перечень Инглингов». С. 118. К особенностям поэтического языка Тьодольва, создающим впечатление сакральности смерти правителя, относятся и «мифологизирующие именованья [«агентов смерти». — Н.Г.], столь не похожие на обычные скальдические кеннинги», и «изошрненные приемы выделения имени поминаемого князя», и «глагольная грамматика, способная останавливать время» (Смирницкая О.А. «Перечень Инглингов». С. 144).

⁴³ Смирницкая О.А. «Перечень Инглингов». С. 118. Ярче всего это видно на примере упомянутого выше конунга Эйстейна (46).

⁴⁴ Смирницкая О.А. «Перечень Инглингов». С. 115, со ссылкой на А. Хойслера.

⁴⁵ Ср.: Смирницкая О.А. «Перечень Инглингов». С. 113, со ссылкой на Г. Неккеля.

⁴⁶ Смирницкая О.А. «Перечень Инглингов». С. 118.

Словоупотребления слова **herr** и его производных в «Саге об Инглингах»

№	Правитель	herr	herja	hernað	hermaðr	herfang	herskip	herskið	hertaka	herskátt
1	Один (2, 4, 6)	1	1		1					
2	Ньёрд (9)									
3	Фрейр (10)									
4	Фьёльнир (11)									
5	Свейгдир (12)									
6	Ванланди (13)				1					
7	Висбур (14)									
8	Домальди (15)									
9	Домар (16)									
10	Дюгви (17)									
11	Даг (18)	3	2		1					
12	Агни (19)	1	1			1		1		
13, 14	Альрек, Эйрик (20)				1					
15	Ингви (21)				1					
16	Альв (21)			1						
17	Хуглейк (22)	1			1					
	Хаки (22)	1								

№	Правитель	herr	herja	hernað	hermaðr	herfang	her-skip	her-skið	her-taka	her-skátt
26	Энунд (33)	2	1			1				
	Хьёрвард (37)		1							
27	Ингьяльд Коварный (38, 39)	4		1						
	Ивар (40)	2								
28	Олав Лесоруб (40)									
	Шведы (43)	2								
29	Хальвдан (43)	1	1	1						
30	Ингьяльд (45)									
31	Эйстейн (46)		1				1			
	Скьельд (46)	1								
32	Хальвдан Щедрый (47)				1					
33	Гудрёд (48)	1				1				
34	Олав Альв (49)				1					
35	Хальвдан (48,49)									
36	Рётнвальд (50)									

Примечание к таблице. Нумеруются только правители из рода Инглингов. Арабская цифра после имени указывает номер главы в саге.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Гуревич А.Я. История и сага. М., 1972.
- Гуревич А.Я. «Круг Земной» и история Норвегии // *Снорри Стурлусон. Круг Земной*. М., 1980. С. 612–632.
- Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.
- Мельникова Е.А. Историческая память в устной и письменной традициях (Повесть временных лет и «Сага об Инглингах») // ДГ. 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003.
- Сага об Инглингах // *Снорри Стурлусон. Круг Земной* / Изд. подгот. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980. С. 11–37.
- Смирницкая О.А. «Перечень Инглингов» в освещении исторической поэтики // *Она же. Древнегерманская поэзия. Каноны и толкования*. М., 2005.
- Стеблин-Каменский М.И. Примечания // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С. 661–706.
- Стеблин-Каменский М.И. Примечания // *Снорри Стурлусон. Круг Земной*. М., 1980. С. 633–660.
- Aalto S. Alienness in *Heimskringla*: Special Emphasis on the *Finnar* // *Scandinavia and Christian Europe in the Middle Ages / Papers of the 12th International Saga Conference*. Bonn, 2003. P. 1–7
- Ciklamini M. “Ynglinga saga”: Its Function and its Appeal // *Medieval Scandinavia*. 1975. Vol. 8. P. 86–99.
- Ynglinga saga // *Heimskringla Snorra Sturlusonar*. Reykjavík, 1946. B. 1. Bls. 5–49.

Natalya Gvozdetzkaya

THE IMAGE OF THE RULER IN YNGLINGASAGA: A NARRATIVE-VERBAL ANALYSIS

The paper is an attempt to reconstruct the image of the ruler in the *Ynglingasaga* by means of the narrative and verbal analysis of a number of motifs based upon oral tradition. The research of the motifs relating to the functions of the ruler (priestly, military and governmental) allows to identify the three strata of historical memory (mythical, heroic-epic and one close to the realities of the Viking Age) used by Snorri Sturluson to model the basis of power of the oldest Scandinavian kings. The ‘death-burial’ motif is regarded as a means of ‘sacralizing’ the ruler and his power. This is mainly attained due to the poetics of the *Ynglingatal* which plays not only a genealogical but also a ‘mythologizing’ part in the text of the saga.

Key words: the image of the ruler, oral tradition, historical memory, Ynglingasaga, Snorri Sturluson.